Аделаида Гиппiусъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНIЙ

О

ГАНСѢ ФОНЪ-БЮЛОВѢ.

Къ 10-лѣтiю его кончины.

МОСКВА.
Университетская типографiя, Страстной бул.
1904.

Аделаида Гиппіусъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О

ГАНСѢ ФОНЪ-БЮЛОВѢ.

Къ 10-лѣтію его кончины.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бул.
1904.

Дозволено цензурой. Москва, 11 сентября 1904 г.

I. Другъ Россіи.

Въ настоящее тяжелое время, когда въ большинствѣ Европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ бьется столько враждебныхъ Россіи сердецъ, особенно отрадно останавливаться мыслью на тѣхъ замѣчательныхъ людяхъ, которые были въ свое время искренними друзьми Россіи.

Среди нихъ видное мѣсто занимаетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ музыкальныхъ писателей XIX столѣтія—знаменитый піанистъ и дирижеръ Гансъ фонъ-Бюловъ, со дня смерти котораго исполнилось, въ февралѣ нынѣшняго года, уже десять лѣтъ. Память о Бюловѣ останется навсегда дорога Россіи потому, что онъ былъ ревностнѣйшимъ распространителемъ русской музыки вообще, и нашего незабвеннаго Чайковскаго въ особенности, не только въ Старомъ, но и въ Новомъ Свѣтѣ.

Впервые пріѣхалъ въ Россію Гансъ фонъ-Бюловъ въ 1864 году, преимущественно въ качествѣ виртуоза и притомъ самаго блестящаго представителя школы Франца Листа. Впрочемъ, уже и въ то время онъ обратилъ вниманіе на себя какъ на талантливаго дирижера. Объ этой сторонѣ своей дѣятельности въ то время Бюловъ писалъ Іоахиму Раффу слѣдующія подробности изъ Петербурга:

„Извѣстіе о смерти Мейербера меня ужаснуло! Онъ всегда былъ очень милъ по отношенію ко мнѣ. Изъ чувства благодарности я въ обѣихъ русскихъ столицахъ блестяще (famos) исполнилъ его *Увертюру на открытіе выставки.* Кстати, въ Петербургѣ мой оркестръ состоялъ изъ 48 скрипокъ, 12 альтовъ, столькихъ же віолончелей, контрабасовъ, духовыхъ и мѣди. Все вдвойнѣ. Представленіе о томъ, что я являюсь чѣмъ-то особеннымъ среди дирижеровъ, только окрѣпло благодаря этому. Въ особенности удалось мнѣ достигнуть блестящихъ результатовъ въ Москвѣ, благодаря тому, что мнѣ пришлось имѣть тамъ дѣло со сплоченнымъ, закаленнымъ оркестровымъ цѣлымъ“.

Вообще, повидимому. Бюловъ отдавалъ въ то время рѣшительное предпочтеніе Москвѣ предъ Петербургомъ.

„Это гнѣздо—писалъ онъ въ 1864 году Людвигу Кэлеру,—*этотъ чудовищный Берлинъ, именуемый Петербургомъ, имѣетъ только одно достоинство—свою близость къ Москвѣ.* Вотъ это дѣйствительно прелестный городъ: въ немъ и публика теплѣе, и оркестръ дисциплинированнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ".

Въ другой разъ онъ писалъ снова Раффу:

„Я игралъ съ Антономъ Рубинштейномъ въ четыре руки твою симфонію. Онъ, какъ и его братъ Николай, который въ Москвѣ еще могущественнѣе и еще популярнѣе, оба намѣреваются исполнить эту симфонію въ будущемъ сезонѣ въ концертахъ Русскаго Музыкальнаго Общества. Что касается этихъ двухъ чудомолодцовъ (Ganzkerle), то это просто невѣроятно, чего они достигли въ самомъ короткомъ времени, въ смыслѣ музыкальнаго развитія общества.

„Несмотря на то, что Петербургская Консерваторія существуетъ всего два

года, она достигла результатовъ, которые должны бы заставить покраснѣть наши убогія нѣмецкія академіи (Winkelakademien).

„Надо тебѣ еще разсказать одну черту русскаго общества, поразительную по своему благородству, которая заслуживаетъ того, чтобы не быть забытою. Въ эту зиму въ Москвѣ была исполнена съ большимъ успѣхомъ симфонія Фолькмана. Узнавъ, что авторъ понравившагося публикѣ произведенія находится въ стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, Николай Рубинштейнъ открываетъ подписку въ его пользу, набирается 350 рублей, которые и были недавно препровождены Фолькману въ знакъ глубокаго уваженія. *Россія спасаетъ нѣмецкихъ композиторовъ отъ голодной смерти!*“

Я впервые услышала піаниста Бюлова весною 1873 года въ Петербургѣ. Его феноменальная память и полная геніальнаго проникновенія передача классическихъ произведеній возбуждала всеобщее удивленіе. Онъ могъ быть доволенъ пріемомъ. Его не только цѣнили по достоинству, но встрѣчали и провожали восторженно.

Блестяще проявилъ Бюловъ свою любовь къ Россіи однажды въ Мила-

нѣ. Одновременно предстояли тамъ два замѣчательныя музыкальныя событія: — первое исполненіе *Реквіема*, Верди, подъ управленіемъ самого композитора, и первое же представленіе, кажется, на театрѣ dal Verme оперы *Жизнь за Царя* на италіянскомъ языкѣ. Постановка оперы Глинки осуществилась исключительно благодаря энергіи и неусыпнымъ хлопотамъ г-жи Горчаковой. Нѣкоторые нумера оперы понравились и были повторены, но иныя части, какъ, напримѣръ, второе дѣйствіе (вслѣдствіе плохой постановки балета), были освистаны.

Бюловъ пріѣхалъ въ Миланъ, былъ на первомъ представленіи *Жизни за Царя*, пришелъ въ восторгъ отъ оперы, которую раньше не видѣлъ, и въ негодованіе отъ пріема, сдѣланнаго ей Италіянцами. Почетный билетъ, присланный ему бургомистромъ для входа на исполненіе *Реквіема*, онъ вернулъ при письмѣ, которое напечаталъ и въ газетахъ. Въ этомъ письмѣ Бюловъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ заявлялъ, что пріѣхалъ въ Миланъ съ „исключительною цѣлью слышать геніальную оперу Глинки“, возмущенъ отношеніемъ къ ней Италіянцевъ и не намѣренъ при-

сутствовать при подогрѣтомъ успѣхѣ банальнаго произведенія италіянскаго композитора.

Никто никогда не вступался болѣе энергично за русское искусство, какъ Бюловъ въ этомъ случаѣ, когда онъ шелъ противъ популярнѣйшаго въ то время Верди и наперекоръ всей музыкальной Италіи.

II. Памятный концертъ.

Въ 1875 году Бюловъ сдѣлалъ большое концертное путешествіе по Америкѣ, гдѣ онъ долженъ былъ выступить въ 140 концертахъ. Страшное физическое и психическое напряженіе, вызванное осуществленіемъ этого колоссальнаго предпріятія, подорвали окончательно его здоровье, и безъ того уже потрясенное.

Незадолго передъ 139-мъ концертомъ его нашли однажды лежащимъ безъ памяти рядомъ съ роялемъ. Контрактъ съ импрезаріо былъ порванъ, о музыкѣ не могло быть больше рѣчи надолго. Бюловъ вернулся въ Европу въ состояніи сильнаго нервнаго разстройства и въ теченіе полутора года не появлялся на музыкальномъ горизонтѣ.

Наконецъ наступилъ знаменательный день, когда имя Ганса фонъ-Бюлова снова украсило собою концертную программу. Весьма характеренъ для Бюлова былъ поводъ, побудившій его вновь выступить впервые на эстрадѣ.

Незадолго передъ этимъ я окончила курсъ С.-Петербургской Консерваторіи и была приглашена къ участію въ одномъ изъ большихъ сезонныхъ симфоническихъ концертовъ (Cur-Comité-Conzerte) въ Баденъ-Баденѣ.

Сильно билось мое сердце, когда я вышла на эстраду, не потому, что я видѣла передъ собою переполненный публикой залъ, но потому, что мнѣ было извѣстно, что среди слушателей былъ нѣкто, кого я цѣнила выше всей блестящей публики. Этотъ нѣкто былъ Гансъ фонъ-Бюловъ, который пріѣхалъ въ Баденъ на нѣсколько недѣль. Для него одного играла я, болѣе всего желала я заслужить его одобреніе. Я не смѣла и ожидать того, что̀ случилось! Черезъ недѣлю былъ назначенъ мой собственный концертъ. И вдругъ я узнаю, что Бюловъ выразилъ желаніе принять въ немъ участіе въ качествѣ дирижера и, мало этого, сы-

грать со мною дуэтъ для двухъ роялей! Боже, какъ я была счастлива! Разумѣется, что я на другой же день поспѣшила къ нему, чтобы выразить ему мою признательность.

Бюловъ жилъ на Замковой горѣ, одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей прелестнаго Бадена, недалеко отъ развалинъ замка. Каждый разъ когда онъ пріѣзжалъ въ Баденъ, то останавливался въ одномъ и томъ же домѣ, который вполнѣ удовлетворялъ его требованіямъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я въ глубинѣ души надѣюсь, говаривалъ онъ съ улыбкой, что посѣтителямъ будетъ затруднительно взбираться на гору.

Но увы! Ни высота горы, ни это любезное предупрежденіе не спасали его отъ надоѣдливыхъ посѣтителей. Музыканты по профессіи шли къ нему на поклонъ, добрые пріятели— чтобы поболтать и просто отнять полчаса драгоцѣннаго времени.

Радостно взобралась я на гору и подошла къ его двери. На ней висѣла бумажка съ отчетливою надписью:

„До обѣда я не принимаю, послѣ обѣда меня нѣтъ дома“ (Vormittags

nicht zu sprechen, Nachmittags nicht zu Hause)!— Яснѣе яснаго...

Черезъ нѣсколько часовъ Бюловъ былъ у меня.

Бюловъ выбралъ для своего „дебюта“, какъ онъ шутливо выразился, увертюру къ оперѣ *Жизнь за Царя* Глинки, которую онъ впервые дирижировалъ въ Германіи. Кромѣ того, дирижировалъ онъ фортепіаннымъ концертомъ Рубинштейна и седьмою симфоніей Бетховена. Мѣстный оркестръ игралъ подъ его управленіемъ превосходно. Увертюру Глинки онъ дирижировалъ на первой репетиціи по партитурѣ, а на второй уже наизусть. Когда я высказала ему свое изумленіе по этому поводу, онъ отвѣтилъ:

— Я вѣдь слышалъ однажды эту оперу въ Миланѣ. Она привела меня въ восторгъ. Вашъ Глинка—дивный композиторъ.

При этомъ Бюловъ выразилъ сожалѣніе, что онъ бывалъ въ Россіи всегда въ Великомъ посту, когда театры закрыты, вслѣдствіе чего ему не удалось видѣть эту оперу на родной почвѣ.

На репетиціяхъ Бюловъ былъ такъ нервенъ, оживленъ и подвиженъ, что при одномъ сильномъ движеніи портъ-

сигаръ его выскочилъ изъ кармана, а рука, въ которой онъ держалъ дирижерскую палочку, разболѣлась и на ней даже показалась кровь.

— Что за бѣда,—возразилъ онъ, когда ему на это указали,—лучше неприятное ощущенiе, чѣмъ никакого ощущенiя, лучше боль, чѣмъ скука (lieber ein unangenehmes Gefühl, als gar keins, lieber Schmerz, als Langeweile!)

Въ день концерта стояла ужасная жара. Это было 28 августа.

— День рожденiя Гэте!—вспомнилъ Бюловъ тотчасъ послѣ привѣтствiя.

Принимали Бюлова восторженно. Оркестръ становился неузнаваемъ.

Восторгъ публики достигъ апогея, когда Бюловъ взошелъ на эстраду въ качествѣ пiаниста. Для того, чтобъ оттѣнить нацiональный характеръ концерта, Бюловъ построилъ вступленiе къ дуэту на тему русскаго народнаго гимна.

Свою партiю въ фортепiанномъ концертѣ я разучила хоть и въ очень короткiй срокъ, но основательно и старалась оправдать довѣрiе генiальнаго музыканта. Тѣмъ не менѣе я, разумѣется, не смѣла принять на свой счетъ бурю восторга, которая разразилась въ залѣ по окончанiи форте-

піаннаго концерта. Публика не унималась шумѣла и продолжала вызывать.

— Выходите,—говорилъ Бюловъ,—публика желаетъ васъ видѣть.

— Нѣтъ, публика хочетъ видѣть *васъ*!

— Я не пойду.

— Я тоже не пойду.

Лицо Бюлова сдѣлалось темно-краснымъ, жилы на лбу налились.

— Пойдемте, — отрывисто произнесъ онъ.

Когда я взошла на эстраду, Бюловъ двинулъ меня впередъ, а самъ отступилъ назадъ и быстро затворилъ за собою дверь.

Онъ не измѣнилъ себѣ и въ этомъ случаѣ, оставаясь тѣмъ же великодушнымъ художникомъ, „благороднымъ до избытка“, какъ выразился однажды Листъ. Только по внѣшности бывалъ онъ нерѣдко рѣзокъ, капризенъ, нетерпѣливъ, вспыльчивъ. „Вы точно бочка съ порохомъ“, писалъ ему еще въ 1861 году Лассаль.

III. Идеалъ дирижера.

Характеръ Ганса фонъ-Бюлова былъ преисполненъ шероховатостей и противорѣчій, и въ то же время не былъ лишенъ извѣстной прямолинейности. Девизъ его былъ: „никакой

политики, никакой дипломатіи, никакихъ уступокъ, никакой аристократіи, кромѣ аристократіи ума и таланта!“ Это была художественная натура, стремившаяся къ свободѣ, которая сама предписываетъ себѣ законы. А между тѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ вынужденъ занимать зависимое положеніе и жертвовать своими силами дѣлу, которое ненавидѣлъ всею душой.

„Ремесло учителя губитъ меня“, писалъ онъ въ 1861 году одному пріятелю. „Оттого ли, что я недостаточно хладнокровенъ, или оттого, что нервы мои слишкомъ воспріимчивы, но пять-шесть учебныхъ часовъ до обѣда убиваютъ меня на все остальное время“. Какъ это напоминаетъ П. И. Чайковскаго!

Собственная игра тоже мало помогала дѣлу. „Развитіе или хотя бы поддержаніе моей техники отнимаетъ у меня много силъ. Я музыкально усталъ и въ то же время чувствую необходимость въ музыкѣ“, говоритъ онъ. Или въ другомъ письмѣ: „какъ часто проклинаю я свою игру на роялѣ, которая поглощаетъ мои силы всецѣло и которую я никакъ не могу запускать“. Въ письмѣ изъ Берлина онъ выразилъ то же самое очень ха-

рактерно: „Все болѣе и болѣе становится невозможнымъ, чтобы я сыгралъ здѣсь хотя бы одинъ разъ посредственно. Слава моя переросла меня (der Ruf ist mir über den Kopf gewachsen)“.

Отдыхалъ онъ и оживалъ въ это время только при наслажденіи оркестровою музыкой (Orchestergenuss). „Но наслажденіе этого рода я могу къ сожалѣнію доставлять себѣ здѣсь“, писалъ онъ изъ Берлина, „только самъ. Слушать же игру оркестровъ въ здѣшнихъ театрахъ или концертахъ—для меня сущее мученіе. Я сплошь и рядомъ съ трудомъ сдерживаюсь, чтобы не кинуться къ дирижеру, вырвать у него палочку, и заклеймить публично его идіотство! Право это не самомнѣніе, не парламентское желаніе, „ôte toi de là, pour que moi je m'y mette“. * Но иногда я прямо жажду, чего бы мнѣ это ни стоило, вонзить кинжалъ въ дрянную, вялую, суконную душонку какого-нибудь гобоя, чтобы вразумить его, что съ Бетховеномъ или Вагнеромъ нельзя обращаться съ тою же халатностію, какъ съ какою-нибудь прачкой.

---

* Сойди съ мѣста для того, чтобы я его занялъ.

Какъ бы зазвучали эти crescendo, diminuendo или sforzando, если бъ я стоялъ передъ оркестромъ“.

Это рѣчь человѣка, глубоко убѣжденнаго въ своемъ истинномъ призваніи.

„Когда я буду повелѣвать“, писалъ Бюловъ въ 1864 году, „то буду наводить такой терроръ, о какомъ до сихъ поръ не имѣли и понятія. Я являюсь такимъ образомъ дополненіемъ обворожительно любезной личности мастера Листа“.

Бюловъ, какъ извѣстно, сдержалъ это обѣщаніе. Онъ былъ Зевесомъ оркестра, въ который металъ громы и молніи. Музыканты не любили его за то, что онъ мучилъ ихъ безконечными репетиціями, не спускалъ ни малѣйшей ошибки, дѣлалъ свои замѣчанія съ рѣзкостью и ядовитымъ остроуміемъ. Но зато и держалъ же онъ оркестръ въ рукахъ!

Дирижируя въ теченіе нѣсколькихъ сезоновъ симфоническими концертами Русскаго Музыкальнаго Общества въ Петербургѣ, онъ довелъ исполненіе даже чисто русскихъ симфоническихъ произведеній до небывалаго ранѣе совершенства. Онъ былъ первымъ геніальнымъ истолкователемъ третьей сюиты и многихъ другихъ вещей П. И.

Чайковскаго. *Аррагонская охота* и *Камаринская* исполнялись съ такимъ блескомъ, о которомъ прежде не имѣли и понятія. „Подъ его манернымъ на видъ управленіемъ", вѣрно замѣчаетъ М. И. Чайковскій въ біографіи своего знаменитаго братакомпозитора, „обильнымъ странными и некрасивыми движеніями, оркестръ дѣлалъ чудеса, умѣлъ освѣщать новымъ свѣтомъ самыя заигранныя произведенія, въ родѣ увертюры къ *Фрейшютцу*, захватывать вниманіе слушателя съ первыхъ аккордовъ и оковывать очарованіемъ до послѣдней ноты".

По поводу исполненія Бюловымъ *Камаринской* Глинки въ Петербургѣ, вспоминается мнѣ слѣдующій характерный эпизодъ. Бюловъ находилъ, что въ одномъ мѣстѣ ошибочно стояла нота fis и что правильнѣе было бы играть f. Такъ онъ и заявилъ оркестру на первой же репетиціи.

Но нашлись поклонники Глинки, которые довели до свѣдѣнія Августѣйшаго Предсѣдателя Русскаго Музыкальнаго Общества Великаго Князя Константина Николаевича, что „Нѣмецъ" хочетъ поправлять геніальнаго русскаго композитора. Цѣль бы-

ла достигнута. Великій Князь рѣшилъ: пусть играютъ, какъ написано.

Передъ началомъ слѣдующей репетиціи, Бюловъ громогласно объявилъ оркестру:

— Auf Allerhöchsten Befehl spielen wir Fis! (по повелѣнію свыше—мы играемъ *фисъ*).

IV. Душа общества и піанистъ.

Будучи геніальнымъ музыкантомъ, Бюловъ, однако, и внѣ музыкальной сферы очаровывалъ своею необычайною талантливостью и всестороннимъ развитіемъ и образованіемъ. Его крылатыя слова восхищали однихъ и устрашали другихъ. Онъ былъ всегда душою общества, но многіе его не на шутку побаивались.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ вечеръ. Меня просили играть, и Бюловъ „заказалъ себѣ Чайковскаго". Рояль былъ ужасенъ: разстроенъ, беззвученъ, съ какимъ-то убійственно деревяннымъ тембромъ.

Когда я кончила играть, Бюловъ воскликнулъ:

— Если этотъ инструментъ для васъ не слишкомъ плохъ, такъ и для меня онъ достаточно хорошъ.

Съ этими словами Бюловъ вско-

чилъ со своего мѣста, безо всякаго приглашенія сѣлъ за рояль и игралъ восхитительно..

Разговоръ зашелъ о концертѣ, въ которомъ молодой теноръ безъ голоса и школы пѣлъ съ большою самоувѣренностью, но съ малымъ успѣхомъ.

— Чтобъ имѣть право такъ пѣть, господинъ X долженъ былъ бы быть по крайней мѣрѣ секретаремъ посольства, замѣтилъ Бюловъ.

Одна дама обратилась къ Бюлову со словами:

— О васъ разсказываютъ...

— Обо мнѣ очень многое разсказываютъ, прервалъ ее Бюловъ.

— О васъ говорятъ, что вы исполнили однажды публично, въ концертѣ одно сочиненіе, которое вы не только не изучили, но даже не проиграли раньше. Вы будто бы только просмотрѣли ноты. Это почти невѣроятно.

— А между тѣмъ какъ разъ въ данномъ случаѣ обо мнѣ сказали правду. Я обѣщалъ одному пріятелю исполнить въ ближайшемъ моемъ концертѣ одно изъ его сочиненій. За полнымъ недосугомъ я, однако, не успѣлъ даже проиграть пьесу. Я взялъ

съ собою ноты въ вагонъ и во время переѣзда изучилъ партію, а вечеромъ исполнилъ пьесу въ концертѣ. Этотъ способъ изученія, сперва головой, а потомъ уже пальцами я серіозно рекомендую всякому музыканту. Вообще музыканты никогда не должны были бы предпринимать путешествіе безъ нотной тетради въ рукахъ.

Я напомнила Бюлову одно музыкальное утро въ Петербургѣ, когда онъ подъ рядъ сыгралъ семь сонатъ и 32 варіаціи Бетховена.

— Да, отвѣтилъ онъ, въ сущности говоря это было безуміе. Теперь бы я этого больше не сдѣлалъ.

Бюловъ занималъ въ Баденъ-Баденѣ, одинъ, весь второй этажъ небольшаго частнаго дома. Изъ оконъ его открывался чудный видъ на горы, лѣса, развалины и живописныя виллы. Всѣ, направлявшіеся къ старому замку, должны были проходить мимо его жилища. Вслѣдствіе этого, когда онъ игралъ, подъ окнами у него всегда были слушатели, которые не только гуляли взадъ и впередъ передъ домомъ, но и садились на ступеньки крыльца.

Я тоже проходила здѣсь иногда и слышала, какъ Бюловъ играетъ, но я желала подольше и безо всякихъ по-

мѣхъ послушать, какъ онъ упражняется. Я придумала, наконецъ, благовидный способъ. Хозяинъ дома, гдѣ жилъ Бюловъ, былъ любителемъ искусствъ и коллекціонеромъ. Я отправилась къ нему, прося показать мнѣ его собраніе древностей. Онъ любезнѣйшимъ образомъ ввелъ меня въ свой музей, расположенный какъ разъ подъ комнатой, гдѣ стоялъ рояль Бюлова. У г. Гимпеля были дѣйствительно довольно цѣнныя рѣдкости, но—наверху послышались звуки рояля, и я не могла больше сосредоточиться. По окончаніи осмотра музея, я попросила разрѣшенія побыть еще нѣкоторое время въ комнатѣ, чтобы послушать игру Бюлова. Въ полномъ уединеніи, ничѣмъ неразвлекаемая и нестѣсняемая, я съ замираніемъ сердца и съ изумленіемъ слѣдила за его игрой. Бюловъ игралъ Бетховена.

Каждый разъ, когда я, проходя мимо дома, слышала его игру — это былъ всегда Бетховенъ. Онъ изучалъ одну часть изъ послѣднихъ сонатъ. Онъ повторялъ отдѣльныя музыкальныя фразы до двадцати разъ, играя то правой, то лѣвой рукой по очереди. Технически пассажи удавались давно уже превосходно. Тѣмъ не менѣе онъ

постоянно снова повторялъ ихъ, и я вспомнила его замѣчаніе, что онъ никогда не исполняетъ публично вещи, въ которой не зналъ бы наизусть каждой нотки (Note für Note im Kopf habe). Лишь постепенно являлись темпъ, нюансировка и законченность. Такимъ образомъ мнѣ удалось присутствовать, съ неимовѣрнымъ интересомъ, при возникновеніи художественнаго произведенія, которое Бюловъ исполнилъ въ одномъ изъ концертовъ. Я высказала г. Гимпелю, что завидую ему, что онъ имѣетъ такого жильца и что слушаетъ ежедневно такіе концерты.

— Да, я дѣйствительно наслаждаюсь этою игрой вполнѣ сознательно, отвѣтилъ онъ, хотя бы это было и въ 3 часа ночи.

— Какъ? Неужели Бюловъ играетъ и по ночамъ?!

— Какъ же! Въ послѣднее время съ его безсонницей было совсѣмъ плохо. Онъ возвращается домой нерѣдко въ 2 часа ночи, ходитъ долго взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ садится за рояль и играетъ до самаго утра.

— И васъ это не безпокоитъ?

— Вотъ именно потому-то, что г. фонъ-Бюловъ знаетъ, что это меня не безпокоитъ, онъ и живетъ у насъ

постоянно, когда пріѣзжаетъ въ Баденъ. Онъ не можетъ выносить какого бы то ни было стѣсненія въ образѣ жизни. Г. фонъ-Бюловъ неразумно прилеженъ: онъ играетъ больше, чѣмъ ему разрѣшено. Слышите? Онъ упражняется теперь уже нѣсколько часовъ, тогда какъ врачъ ему предписалъ крайнюю умѣренность въ работѣ. Вѣдь онъ еще на положеніи выздоравливающаго. Когда наверху нѣсколько дней тишина—это плохой признакъ: значитъ у г. фонъ-Бюлова снова припадокъ его сильныхъ головныхъ болей.

Чаще всего видѣлся Бюловъ въ Баденъ-Баденѣ съ превосходнымъ віолончелистомъ Коссманомъ и извѣстнымъ музыкальнымъ критикомъ и Вагнеріанцемъ докторомъ Рихардомъ-Полемъ (Pohl); онъ былъ друженъ съ обоими.

Я хорошо помню чрезвычайно интересный вечеръ у доктора Поля.

Былъ день рожденія хозяина, которому Бюловъ обѣщалъ, „въ видѣ подарка“, играть у него въ этотъ вечеръ. Собралось большое общество. Хозяйка дома, красивая и любезная особа, была также другомъ Бюлова. Было очень весело. Бюловъ былъ въ

самомъ лучшемъ расположенiи духа и какъ всегда душой общества. Въ обѣщанномъ подаркѣ должны были принять участiе многiе изъ гостей. Коссманъ вытащилъ свою вiолончель, Бюловъ выбралъ сонату для фортепiано и вiолончели и сѣлъ за рояль. Стулъ оказался слишкомъ низкимъ.

— Послушай, Поль!, воскликнулъ Бюловъ, дай мнѣ какую нибудь нотную тетрадь, чтобы подложить подъ себя. Нѣтъ ли у тебя *Сотворенiя мiра* Гайдна?

Докторъ Поль передалъ ему со смѣхомъ пачку нотъ, замѣтивъ, что Гайдна у него, къ сожалѣнiю, нѣтъ, но что другое сочиненiе можетъ сослужить ту же службу.

— Все еще слишкомъ низко, не унимался Бюловъ. Ты могъ бы мнѣ дать еще *Весеннюю пѣснь* Мендельсона.

Вкусы Бюлова, сказавшiеся въ этой шуткѣ, выразились затѣмъ въ исполненныхъ имъ пьесахъ. Онъ игралъ Сенъ-Санса, Шопена, Листа, Рубинштейна, Раффа. Изъ произведенiй Шопена онъ игралъ охотно 4-е скерцо (Е). Про эту вещь онъ говорилъ:

— Это скерцо, по моему мнѣнiю, не

принадлежитъ пока еще къ тѣмъ пьесамъ, которыя становятся поперекъ горла (die Einem noch nicht aus dem Halse herauswachsen).

— Шопена, говаривалъ онъ еще, могутъ собственно говоря, хорошо играть только Русскіе. У Поляковъ часто не хватаетъ ритмичности, а мы Нѣмцы слишкомъ тяжеловѣсны и сантиментальны. По мнѣ хотъ бы ея совсѣмъ не было этой нѣмецкой „души“ (Gemüt) и нѣмецкаго внутренняго чувства (Innerlichkeit), которое никогда не можетъ выйти наружу!

Рубинштейна Бюловъ игралъ съ большою охотой изъ-за „широкой кисти“ (des grossen Zuges), которая чувствуется во всѣхъ его сочиненіяхъ.

Кто-то изъ присутствующихъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ игрѣ Антона Григорьевича Рубинштейна, къ сожалѣнію, часто недостаетъ аккуратности.

— Я бы желалъ, возразилъ Бюловъ, обладать секретомъ брать свои фальшивыя ноты съ такою обворожительностью, какъ это дѣлаетъ maestro Антонъ.

V. Блестки сарказма и юмора.

Въ ближайшемъ году Бюловъ снова провелъ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ

въ Баденъ-Баденѣ. Онъ жилъ попрежнему въ домѣ г. Гимпеля, упражнялся по ночамъ, былъ тѣмъ же остроумнымъ, любезнымъ и безпощадно саркастическимъ собесѣдникомъ, но, къ сожалѣнію, оставался и столь же раздражительнымъ, какъ прежде. Въ минуты почти болѣзненныхъ приступовъ гнѣва, онъ могъ забывать все вокругъ себя, и тогда переступалъ иногда даже границы дозволеннаго.

Въ одномъ концертѣ, въ которомъ никто кромѣ Бюлова не участвовалъ и сборъ съ котораго былъ предназначенъ въ пособіе одной бѣдной пѣвицѣ, капельдинеръ положилъ въ антрактѣ лавровый вѣнокъ на спинку стула передъ роялемъ. Бюловъ вышелъ на эстраду и только-что хотѣлъ сѣсть за рояль, когда увидѣлъ вѣнокъ Онъ остановился, толкнулъ ногой и крикнулъ,

— Вонъ его! (hinaus damit!).

Испуганный капельдинеръ взялъ со спинки стула порученный ему вѣнокъ и осторожно положилъ его въ скромномъ уголку эстрады.

—Къ чорту! Вонъ его!, закричалъ Бюловъ внѣ себя.—Съ глазъ долой!

Бѣдный вѣнокъ вынужденъ былъ совершить обратный путь черезъ залъ. Въ публикѣ послышались выра-

женія неудовольствія. Однако Бюловъ сѣлъ за рояль и игралъ божественно! Геніальный художникъ сумѣлъ превратить всѣ противорѣчивыя чувства, вызванныя въ публикѣ его рѣзкимъ, даже грубымъ, поступкомъ, въ выраженіе безграничнаго восторга и удивленія.

Послѣ концерта, когда Бюловъ вошелъ въ залъ, его окружила толпа знакомыхъ и друзей. Всякій хотѣлъ сказать ему спасибо, желалъ пожать ему руку. Изъ группы молодыхъ дѣвушекъ, съ которыми онъ шутилъ, выдвинулась одна.

— Какъ это вы могли такъ вспылить сегодня, г. фонъ-Бюловъ?—сказала она.—Вы навѣрно очень обидѣли того, кто хотѣлъ этимъ вѣнкомъ только выразить вамъ свое уваженіе. Это было нехорошо съ вашей стороны.

— Когда же наконецъ, воскликнулъ Бюловъ, люди поймутъ, что я этихъ вещей терпѣть не могу? Я уже не юноша, который нуждается въ подбадриваніи. Хоть бы мнѣ дали къ лаврамъ соли и перцу; салатъ бы сдѣлалъ по крайней мѣрѣ. А то—на что мнѣ эта зелень? А что касается „поклоненія“ публики, то шутъ съ нимъ; мнѣ оно не нужно. Впрочемъ, можетъ быть вѣнокъ былъ отъ васъ?

— Нѣтъ.

— Отъ васъ?—отъ васъ?

Всѣ отрицательно покачивали головами.

— Ну, тогда мнѣ и горя мало.

Въ виду того, что Бюлова никогда нельзя было застать дома, онъ былъ настолько вѣжливъ, что тотчасъ же отдавалъ всякій визитъ. Онъ обыкновенно вставалъ со стула черезъ минуту послѣ того, что сѣлъ.

— Извините, что я буду ходить взадъ и впередъ, я немного нервенъ, говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Бесѣда его была оживленна и держала собесѣдника постоянно въ нервномъ возбужденіи, заинтересовывая его въ высшей степени. Четырьмя языками, нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ и итальянскимъ, онъ владѣлъ въ равномъ совершенствѣ.

— Вамъ необходимо слѣдуетъ путешествовать, сказалъ онъ мнѣ при посѣщеніи, и начать надо съ Гевандгауза въ Лейпцигѣ. Лично я, къ сожалѣнію, ничего не въ состояніи сдѣлать, чтобъ облегчить вамъ этотъ дебютъ, важный для всякаго молодаго художника. Я съ Лейпцигомъ немножко въ контрахъ послѣ того, какъ сострилъ не совсѣмъ осторожно: я увѣрялъ какъ-то, что играю охотнѣе въ

„Гаусгевандѣ“ (халатѣ), чѣмъ въ „Гевандгаусѣ“ (извѣстномъ Лейпцигскомъ концертномъ залѣ, сооруженномъ на мѣстѣ стариннаго интендантскаго склада, откуда и его странное названіе). Съ тѣхъ поръ, закончилъ Бюловъ, обо мнѣ тамъ знать ничего не хотятъ.

Однажды въ полдень, въ одно изъ воскресеній, онъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ знакомыхъ, прибавивъ: „если вамъ интересно послушать немного музыки“.

Бюловъ былъ въ это утро, по общему мнѣнію дамъ, „демонически любезенъ“. Онъ много игралъ, просилъ „заказывать“ ему что̀ играть, исполнялъ всѣ просьбы о тѣхъ или другихъ піесахъ. Присутствующіе были прямо очарованы. Въ перерывахъ между игрой, Бюловъ шутилъ. Остроты такъ и сыпались. Онъ возбудилъ протестъ дамъ смѣлымъ утвержденіемъ, что, „по его мнѣнію, прямо преступно, если дама не кокетничаетъ“.

Одна молоденькая и хорошенькая блондинка пришла въ негодованіе отъ нѣсколькихъ его фразъ, затронувшихъ религіозные вопросы.

— Какъ можно такъ чудесно играть,—сказала она,—и не вѣрить въ Бога!

— Mademoiselle!, возразилъ Бюловъ,—почему вы полагаете, что я не вѣрую въ Бога? Можетъ-быть Богъ въ моей груди, тотъ же самый, въ котораго и вы вѣруете; только мы называемъ его различными именами. Человѣкъ, по моему мнѣнію, вовсе не можетъ существовать безъ Бога. Но у каждаго человѣка свой Богъ.

Съ этими словами Бюловъ пошелъ въ сосѣднюю комнату, принесъ первую часть *Фауста* Гэте, открылъ сцену въ саду, въ которой Гретхенъ спрашиваетъ Фауста „вѣруешь ли ты въ Бога?“ и прочелъ вслухъ отвѣтъ Фауста. При этомъ Бюловъ особенно подчеркнулъ слова „чувство—это все“ (Gefühl ist Alles).

— Повѣрьте мнѣ, барышня,—воскликнулъ онъ, закрывая книгу;—когда я играю сонату Бетховена и при этомъ что-нибудь чувствую, да и въ слушателяхъ пробуждаю звуками чувство,—въ эти часы во мнѣ болѣе религіи, чѣмъ въ иной правовѣрной душѣ.

Вскорѣ послѣ этого утра Бюловъ собрался въ путь. Онъ принялъ приглашеніе занять мѣсто капельмейстера придворнаго театра въ Ганноверѣ. Наканунѣ его отъѣзда, я повстрѣчалась съ нимъ, окруженнымъ толпой пріятелей, въ общественномъ саду.

— Нѣтъ, послушайте только, закричалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ, увидавъ меня,—какую чудесную остроту отпустилъ Коссманъ. Онъ говоритъ: „итакъ, завтра можно будетъ пѣть:

Ueber allen Gimpeln ist Ruh'...*
Развѣ это не прелесть?

VI. Другъ Лассаля.

Зимою слѣдующаго года появилась небольшая книжка, надѣлавшая много шума: *Любовный эпизодъ изъ жизни Лассаля* (*Eine Liebesepisode aus dem Leben Lassalles*). Я тоже прочла брошюру и, подобно многимъ, интересовалась именемъ симпатичной юной героини романа анонимнаго автора разсказа, тѣмъ болѣе, что она была Русская. Она упоминаетъ объ одномъ интересномъ вечерѣ у Лассаля, ког-

* Извѣстное стихотвореніе Гёте „Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной“ начинается въ оригиналѣ словами: „Ueber allen Gipfeln ist Ruh'“ (надъ всѣми вершинами тишина). Каламбуръ заключается въ замѣнѣ слова *Gipfel* (вершина) фамиліей домохозяина Бюлова, г. *Гимпеля*. Но, кромѣ того, *Gimpel* значитъ еще „снигирь“, а чаще всего „простакъ“, „дуракъ“.

да познакомилась съ нѣкоторыми изъ его друзей, въ томъ числѣ съ господами Притцелемъ, Шеренбергомъ и Бюловымъ. Я надѣялась, узнать отъ послѣдняго, кто была эта молодая дама, и написала Бюлову. Онъ отвѣтилъ немедленно слѣдующими строками:

„Благовоспитанность и самолюбіе ожесточенно борются во мнѣ со времени полученія вашего письма. Благовоспитанность одерживаетъ, однако, побѣду. Я откровенно сообщу вамъ секретъ, распространеніе котораго можетъ уничтожить всю мою репутацію. *Память моя далеко не такъ замѣчательна*, какъ гласитъ молва. У меня не осталось ни малѣйшаго воспоминанія о русской барышнѣ и ея отцѣ, которую я однажды будто бы встрѣтилъ, вмѣстѣ съ другими литераторами, въ домѣ моего глубокоуважаемаго, несчастнаго друга Лассаля. May be. * Когда я бывалъ у Лассаля, то я видѣлъ и слушалъ только его, этого для меня необыкновенно симпатичнаго человѣка, который былъ для меня героемъ. Всѣ остальные присутствовавшіе были въ моихъ глазахъ статистами, фигурантами, тѣ-

* По-англійски: „Это могло быть“.

нями, нулями. Примите увѣреніе и проч. Господа Притцель, Шеренбергъ и другіе можетъ быть скорѣе чтò-нибудь разъяснятъ".

Въ послѣдующіе годы я еще нерѣдко встрѣчалась съ Бюловымъ. Каждый разъ я поражалась его необычайною талантливостью и можетъ-быть еще болѣе его удивительною феноменальною энергіей. Эта энергія сообщала тщедушному тѣлу силы, благодаря которымъ ему удавалось справляться съ дѣятельностью, способною разрушить всякіе нервы.

Бюловъ собственно никогда не былъ здоровъ: ему бывало лишь „немножко хуже" и „немного лучше".

— Въ теченіе двухъ недѣль, сказалъ онъ какъ-то,—я упражняюсь всего по шести часовъ. Вслѣдствіе этого я приближаюсь къ животному состоянію, граничащему съ полнымъ физическимъ благополучіемъ.

И вотъ прошло уже десять лѣтъ, какъ эти руки, не знавшія устали, недвижимы. Эта бѣдная голова не страдаетъ больше; бурное сердце поэта - музыканта перестало биться; струны благороднаго инструмента надтреснули и умолкли....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

